

ТУЛЬЧИНСКИЙ ГРИГОРИЙ ЛЬВОВИЧ

Доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия;
Санкт-Петербургский государственный
университет.

E-mail: gtul@mail.ru

УДК 82-94

СКРИПТИЗАЦИЯ ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОГО БЫТИЯ¹

Аннотация. Нарративы играют ключевую роль в формировании памяти, а значит – самосознания и самости, выражая отношение человека к миру, другим людям, к себе самому. Письменная наррация играет при этом особую роль, потому что предстаёт в качестве артефакта и документа. Данная работа делает акцент на характеристике «историй по жизни». Речь идёт о беллетризованных фактах личной биографии, которые поучительны и развлекательны для других. В этом специфическом жанре реализуется личностное предание, другими словами – скриптизация индивидуальной смысловой картины мира.

Ключевые слова: истории по жизни, наррация, память, скриптизация, сторителлинг.

© Тульчинский Г. Л. 2019

Grigory L. Tulchinsky

**National Research University “Higher School of Economics”, Saint Petersburg;
Saint Petersburg State University, Russia**

E-mail: gtul@mail.ru

THE SCRIPTING OF PERSONOLOGICAL BEING

Abstract. Narratives play key role in the formation of memory, which means self-awareness and self, expressing a person’s attitude to the world, other people, to himself. Written narration plays a special role, because it appears as an artifact and a document. This work

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

focuses on the characterization of “life stories”. It is a autobiographical storytelling that is instructive and entertaining for others. In this specific genre, personal tradition is realized, in other words, the scripting of an individual semantic picture of the world.

Keywords: life stories, narration, memory, scripting, storytelling.

DOI: 10.32691/2410-0935-2019-14-75-87

В настоящее время в философии наметилось преодоление традиционно противопоставления феноменологии и аналитической философии. Платформой преодоления этого разрыва выступает нарративный подход, дающий возможность перехода от описаний самосознания в 1-м лице к их анализу в 3-м лице. Решающий вклад в установление возможности такого перехода был сделан аналитической философией сознания, её операционализацией и соотношением с формированием и развитием нейронных процессов [Дамасио 2018; Dennet 1991].

Роль наррации проявляется и в получающей всё более широкое распространение практике рассказывания историй (story telling) – изложению событий в той последовательности, в которой они произошли. При этом рассказчик, от лица которого излагается история, рассматривает это изложение как истинное. Обычно сторителлинг включает в себя не только описание, но и объяснение и оценку с элементами самооправдания [Andrews 2009]. Рассказываемые истории должны обладать специфическим качеством «рассказываемости» («tellability»), складывающимся из занимательности сюжета, его понятности, но главное – интереса к истории со стороны слушателей, читателей, её уместности для них [Ryan 2005]. Storytelling всё шире используется в современном маркетинге, брэндинге и рекламе – не только коммерческих, но политических.

Нельзя не отметить и выдающийся вклад в практику наррации психоаналитической логотерапии. Метафоры, предложенные психоанализом: Я, Сверх-Я, Оно, Эдипов комплекс, комплекс Электры, Эрос, Танатос, анима и т. д. – операционализации не поддаются, но нарративы с их использованием обладают объясняющей силой. Именно в логотерапии, дискурсивной практике общения с пациентом и заключается практическое значение психоанализа. Феномены «переноса», «идентичности», сложных отношений психоаналитика и пациента – следствия его роли автора нарративов, объясняющих переживания пациента, структурирующих их в связные осмысленные, достаточно рационально выстроенные истории.

Сторителлинг используется также в образовательной практике: рассказы преподавателя о реальных ситуациях, о том, как у него возник интерес к предмету, в каких проектах, разработках, исследованиях по этой тематике он лично участвовал, повышают уровень доверия и интереса обучающихся. И с очевидностью подлинной стихией сторителлинга являются электронные социальные сети, дающие всем пользователям неисчерпаемые возможности рассказывать истории от своего лица.

Признавая роль нарративов в формировании и развитии сознания и самосознания, следует отметить, что особого внимания заслуживают практики скриптитизации – не просто устных рассказов, а личной наррации, закреплённой в письменных текстах: письмах, дневниках, исповедях, воспоминаниях, «историях по жизни». В этих практиках у личности возникает возможность возвращения к себе, своему опыту, переживаниям, их переосмыслению.

В творческом личностном росте таких мыслителей, как Августин, Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстой, эти практики, по их собственному признанию, сыграли ключевую роль. В последнее время наблюдается резкий рост философских публикаций исповедального характера, воспоминаний. Даже в массовой литературе очевиден устойчивый рост интереса читателей и издателей к такого рода литературе. Как известно, у некоторых авторов прошлого (давнего и не очень) скриптизация – главное содержание творчества. Достаточно в этой связи вспомнить имена Б. Паскаля, С. Киркегора, В. В. Розанова, Ф. М. Достоевского, М. М. Пришвина, Я. М. Друскина...

Ю. М. Лотманом была развита (ставшая основанием его версии социальной семиотики) концепция «поэтики поведения», обозначившейся в романтической литературе Нового времени, сместившей акцент с эстетизации (олитературирования) быта на личностное бытие [Лотман 1992]. Несколько позже С. Гринблатом была развита идея *self-fashioning* как стремления придать своей жизни сюжетность, аналогичную художественному повествованию, открывшегося с концом строгой регламентации жизни в эпоху Ренессанса [Grinblatt 1994]. Понятие *габитуса* (*habitus*) – одно из центральных в социологии П. Бурдьё – также подразумевало перенесение индивидом образа (стиля) мышления эпохи, характерного искусству и гуманитаристике, на строение своего самосознания.

В 2008 году редакцией журнала «Философские науки» был организован философский форум по этой тематике. Редакция предложила группе авторов – специалистов по философии языка, культуры и личности, логике, психологии – попытаться осмыслить феномен скриптизации. Вниманию авторов был предложен широкий круг вопросов. Относится ли и в какой степени персонологическая скриптизация бытия к философской культуре? Является ли она способом философствования? И если является, то при каких условиях она может быть отнесена именно к философии? Как соотносятся скриптизация и вербализация? Скриптизация и мышление, концептуальная деятельность интеллекта? Различные жанры скриптизации бытия – это творчество? Если нет, то – что? Не является ли скриптизация не столько фиксацией бытия, сколько его порождением, «вызыванием» (потенцированием, «овозможиванием»)? Какое имеет отношение к скриптизации опыт словотворчества, например, сетевой проект «Дар слова» М. Эпштейна, «Проективный философский словарь»? Как соотносятся опыты скриптизации бытия и «жизнетворчества» (Г. Д. Гачев, М. М. Пришвин и др.)?

Не является ли скриптизация преимущественно опытом самопознания, самособирания и самосохранения? Не являются ли опыты персонологической скриптизации бытия «отталкивающим самообожанием» (И. С. Соколов-Микитов о М. М. Пришвине), самозванством, от которого отговаривал Б. Пастернак («не надо заводить архива, над рукописями трястись...»)? Насколько откровенны могут быть опыты скриптизации бытия относительно описываемых фактов, упоминаемых других лиц, самого автора? (Ср. опыты М.М. Пришвина, Г. Л. Тульчинского). Насколько уместно «вызывание имен», «оживление» лиц, голосов других людей? Или публикация дневников, воспоминаний, исповедей и прочих «историй по жизни» допустима только «не в этой жизни» автора и его персонажей? Или скриптизация бытия – сознательная провокация, создающая новую ситуацию, новую реальность, новые отношения? Тогда она – некий проект, не только фиксация бытия, но и его формирование, создание новых отношений.

И тогда это дело не только «проективных словарей», но и любой публикации, откровенных и не очень дневников, исповедей, воспоминаний и т. д.

Возможна ли бесстрастная скриптизация бытия? Можно ли избежать суда, оценок ситуаций, людей? Представляется, что, в силу принципиальной персонологичности скриптизации, – такое невозможно. Но тогда где и в чём мера такого авторского суда? Не возникает ли опасность использования жанров скриптизации бытия для манипулирования, сведения счетов, мести, шельмования, травли и т. п.? Открывают ли новые информационные технологии и средства коммуникации (например, блоги, «Живой Журнал») дополнительные или какие-то принципиально иные возможности скриптизации бытия?

В итоге получилась довольно панорамная картина, придающая проблеме скриптизации определённый объём. В работах социолога А. Н. Алексева и социального философа Г. В. Иванченко был выявлен главный нерв скриптизации, главная её альтернатива – что такое скриптизация: способ укрывания субъективности бытия или наоборот – его откровенность [Алексеев 2008; Иванченко 2008]? Философ М. С. Уваров обратил внимание на опасность иллюзорности исповедальной откровенности, за которой может скрываться самозванческая манипуляция [Уваров 2008], а Г. Л. Тульчинский – на неоднозначные социальные последствия откровенности ряда жанров скриптизации [Тульчинский 2008а]. Культуролог А. П. Люсый и философ К. С. Пигров обратили внимание на рефлексию как обязательность любого философствования, как самоорганизацию души и мысли, в результате чего скриптизация предстает в качестве «самосознания письмом» [Люсый 2008; Пигров 2008]. Правовед С. Н. Егоров сделал важное напоминание – за актами скриптизации, прежде всего, стоит мышление, концептуализирующая работа сознания [Егоров 2008]. А культуролог М. Н. Эпштейн раскрыл перспективы темы, дав эсхатологическую картину растворения субъекта в информационных кодах и сетях [Эпштейн 2008].

Авторам была предоставлена возможность ознакомиться с работами коллег и откликнуться на содержащиеся в них идеи – возражениями, дополнением и развитием этих идей. В результате получился некий итоговый «виртуальный круглый стол», показавший, что постструктуралистское изгнание субъекта из гуманитарных наук, которое наиболее решительно и инициативно совершилось именно в философии письма (как это было показано Ж. Деррида в его «О грамматологии»), завершается возвращением субъекта именно на ту территорию, с которой был изгнан, что обещает и дальнейшее расширение его полномочий в новой гуманитарной парадигме. Не случайно почти все статьи в этой подборке были обращены к самым личностным жанрам письма: интимный дневник, исповедь, истории по жизни. Письмо оказывается не просто модусом бытия, но и одним из самых аутентичных, экзистенциально насыщенных модусов. Но это возвращение иного субъекта – не того экзистенциалистского, который был отвергнут постструктурализмом, и не того эссенциалистского, который был отвергнут экзистенциализмом в 1930-х. По мнению М. Н. Эпштейна, персонология письма тоньше и вместе с тем шире этой экзистенциалистской установки. Она занимает дистанцию по отношению к самой пишущей персоне, предполагая множество играющих, соперничающих, двоящихся персон в одном становящемся Трансубъекте. Примером может служить А. С. Пушкин, каким мы его знаем не по биографиям (нарративам о нём), но по совокупности его творений. Этот Транс-Пушкин вбирает в себя множе-

ство персон, его замещающих и отсутствующих в бытии или присутствующих лишь отчасти и фиктивно, таких, как Иван Белкин, лирический герой и повествователь «Евгения Онегина», лирическое «я» «Медного всадника» и т. д. К такому Транссубъекту – общему месту своих презентаций, лицу всех своих масок, ближе «концептуальный персонаж» Ж. Делеза и Ф. Гваттари, чем экзистирующий индивид Ж.-П. Сартра. Это предполагает иную технику идентификации самости актора, не сбивающуюся на биографический или экзистенциалистский язык внеписьменного субъекта, либо на постструктуралистский язык бессубъектного письма. И важно понять, что речь идёт не о трансформации письма, а именно о трансформации пишущего субъекта.

Реализация такого опыта важна тем, что, помимо решения личностных задач самособирания и самоопределения автора, она расширяет возможное самовосприятие других. Найденные словесные выражения для ещё, возможно, безымянных переживаний «<...> проводят новые борозды и производят членение потока и таким образом впервые показывают воспринимающим, что же именно те переживают» [Гайденко 1997: 408]. Что бы мы знали об искусстве, преемственности отечественной культурной жизни XX века без воспоминаний, дневников, историй З. Гиппиус, Я. Друскина, С. Довлатова...?

Сказанное относится не только к миссии искусства. Задача и философского опыта тоже – «не воспроизводить данное <...>, не изобретать нечто в субъективной игре воображения, а вторгаться во вселенную мира и души, делая тем самым возможным созерцание и переживание объективного и сущего» [Гайденко 1997: 409]. Собственно, именно так индивидуальная рефлексия и способна породить объективированное надындивидуальное знание, что и является задачей любого философского, тем более – персонологического исследования. Недаром в отечественной философской культуре такую роль играют опыты доверительного сохранения фактов личностных переживаний Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, В. В. Розанова, М. М. Пришвина, Я. Друскина, Г. Померанца.

И это задача – научная. Потому, что, во-первых, наука – интеллектуально трезвое отношение к радикальной внеинтеллектуальности иного. А, во-вторых, только наука пока ещё способна удерживать разведение личностного и внеличного горизонта трансценденции и, одновременно, обеспечивать рационально организованную межиндивидуальную трансляцию опыта.

В принципе, наверное, возможны две основные стратегии такой первичной скриптизации. Условно их можно назвать «центростремительными» и «центробежными» – в зависимости от общего вектора осмысления. Оба пути – способы самопознания, самоопределения. Однако направленность такого осмысления, с очевидностью, может быть различной. Центростремительная стратегия направлена как бы внутрь, на внутреннее собирание личностью самой себя. Примерами реализации такой стратегии являются дневник [Пигров 2004], исповедь [Уваров 2007]. Центробежная стратегия направляет осмысление вовне – на распространение личного опыта, выявление в нём инвариантных характеристик. Примером реализации такой стратегии являются мемуары.

Можно также говорить о двух основных жанрах письменности в таких скриптизациях. В случае концентрации на типическом, открывается комичный характер бытия. В случае концентрации на индивидуально-неповторимом – его трагизм. Потому как нет ничего трагичней индивидуальной неповторимости человеческого персонального бытия. Хотя бы в силу его одиночест-

ва и принципиальной недоступности во всей его полноте. Поэтому так трагичны исповеди и так богаты комизмом воспоминания.

Таким образом, самопознание и одновременно – явленность его результатов миру, другим могут осуществляться в различных формах. Например, воспоминания о событиях, участником, свидетелем, а то и организатором которых была личность. Это может быть и жанр типа «мои люди» – рассказ о людях, сыгравших существенную, если не решающую роль в жизни автора: родителях, близких, друзьях, любимых, коллегах и т. д. Достаточно своеобразен и такой жанр скриптизации бытия, который условно может быть назван «историями по жизни». Фактически это специфический вид персонального сторителлинга.

«Истории по жизни» – реальные жизненные истории, которые рассказываются в разных ситуациях, когда люди делятся житейским опытом. Их рассказывают при знакомстве и в застолье, при ухаживании и в назидание детям. Они обладают повышенной доверительностью, занимательны и необычны, в них фиксируется и транслируется уникально-личный опыт.

«По жизни» – разговорное, почти сленговое выражение. Его применяют, когда хотят аргументировать, обращаясь к приземлённому обыденному житейскому опыту. «То, что ты говоришь – это по науке, а по жизни получается наоборот». «Я тебе по жизни говорю...». Истории по жизни – это не просто реальные жизненные истории. Эти истории рассказываются в разных ситуациях, но у них есть что-то глубоко, интимно общее. Их рассказывают, например, в больничной палате, где люди, ранее незнакомые, но самой судьбой поставлены в положение, когда надо знакомиться, когда молчать просто невозможно. Их рассказывают для поддержания разговора, развития его темы. Их рассказывают в купе поезда, в застолье, в ухаживании, детям, etc, etc, etc... Короче говоря, в «ситуациях общения», когда люди делятся, наверное, самым интересным и важным – житейским опытом. Ведь это самое интересное и важное – быт и нравы. Вот рассказы в духе Б. Житкова «Что бывало» и «Что бывает» и идут в ход.

Но это не просто байки, историей по жизни является не всякий рассказ и не всякая житейская история. Это не может быть пересказ прочитанного – «Вот я тут в газете прочитал...» или «В одной интересной книжке написано...», или «Как вчера по телевизору показывали...». Такие вещи тоже рассказываются и обязательно, но это не истории по жизни, в которых речь идёт о лично пережитом, о том, что было лично с рассказчиком. В крайнем случае – с его близкими или друзьями, то есть людьми ему лично знакомыми. Иначе говоря, это истории повышенной личной доверительности автора. Для осмысления форм скриптизации бытия истории по жизни представляют особый интерес тем, что в них соединяются центростремительность с центробежностью: они содержат в себе как элементы воспоминания, так и исповеди.

Кроме того, это истории не обычные, выламывающиеся из обыденного опыта, «остраняющие» его. Поэтому такие истории всегда поучительны – в том смысле, что дают новое осмысление привычного, содержат некоторый урок, мораль. И при этом они должны быть занимательны и даже смешны –

в них должна быть радость понимания: «Вот, как, оказывается, бывает на самом-то деле». Они чем-то напоминают анекдоты – тоже важный компонент общения. Но анекдоты – типовой опыт, смех по их поводу важен для ощущения и переживания «мы» (вместе смеемся над одним и тем же – значит мы вместе). А истории по жизни – уникальный опыт. И, тем не менее, они достигают уровня осмысления и обобщения, близкого к притче. Наверное, это и есть своеобразные притчи, легенды как часть личной культуры. Ведь в каждой культуре есть легенды, притчи, герои. Поэтому истории по жизни можно, в конечном счете, понимать как личное предание, как личную мифологию. Получается своеобразное этнографическое исследование субкультуры, состоящей из одного носителя,² и воспроизводство некоей персонологической мифологии «в одном флаконе».

Если суммировать сказанное, то получается, что истории по жизни – это рассказы:

«реальные» – в них описываются реальные жизненные истории, ситуации, события;

повышенной доверительности – участником и свидетелем описываемого являлся сам рассказчик или человек его близкого круга;

«не обычные», содержащие эффект остранения привычного;

поучительные, содержащие некую мораль для слушателя или читателя;

занимательные, слегка funny – в них должны выражаться положительная эмоция радости узнавания нового и чувство юмора;

уникально-личностные – в них фиксируется и транслируется уникально-личностный опыт;

персонологичные, выражающие личностное предание как часть личной культуры – отсюда и их притчевый жанр.

Истории по жизни – жанр обычно устный. Мною была предпринята, насколько я знаю, первая попытка их систематического описания [Тульчинский 2007а], попытка на собственном биографическом материале представить систематизацию тематики историй по жизни.

Как систематизировать такие истории? Заданной культурной традицией немысленной позиции мысли, с которой она могла бы тематизировать саму себя как участницу взаимодействий с миром, теперь не существует. Человек должен индивидуально, на свой страх и риск, сконструировать данную позицию, и уж тогда можно принимать решение о том, как выстроить отношение с надындивидуальной ментальностью. Это предполагает, как минимум, два шага. Во-первых, зафиксировать некие типичные жизненные ситуации – «фреймы» бытия», тематизировать бытие в типичные темы личностного существования. Во-вторых, наполнить эти фреймы конкретными сюжетами конкретного личностного предания. В своём существовании человек одинок, но само это существование происходит во множестве ситуаций и обстоятельств того конкретного мира, в котором человек живёт.

² Именно как «сборник материалов по антропологии, психологии, социологии, как социолингвистический или фольклористский источник, наконец, просто «человеческий документ» – и был квалифицирован жанр этой публикации библиографами. См.: Форма общения // Книжное обозрение. 2007. № 33–34 (2147–2148). С. 12.

Поэтому истории по жизни – своеобразная запись, фиксация этих обстоятельств, но обстоятельств именно вот этого конкретного человека, наполняющих переживание им своей судьбы и времени, отливающихся в формы экзистенциалий. Как эти экзистенциальные фреймы «скриптизировать», сохранив их наполнение? Что до меня, то я решил идти чисто описательным путём. Поскольку это мои истории по жизни, они и выстраивались как сюжеты моей жизни. В этом случае, однако, возникала опасность скатиться в жанр простых воспоминаний, в факты личной авторской биографии, которые сами по себе вряд ли будут кому-то интересны, кроме самого автора и его близких.

Поэтому реальная систематизация делалась в те же два этапа, но в обратном порядке. Для начала надо было просто зафиксировать сами истории. Поэтому на первом этапе истории по жизни были записаны в соответствии с хронологией основных этапов жизненного развития автора. Для меня такими кругами жизни, фреймами жизненного опыта стали: семья и детство; учеба в школе, техникуме и вечернем отделении философского факультета питерского университета; места работы; походы и клубы; две созданные мною семьи; строительство дома в деревне и летняя жизнь там. Мне пришлось много разъезжать и часто болеть, видеть «быт и нравы», страдания других людей – это тоже мой жизненный опыт.

На втором этапе – все записанные истории по жизни были раскассированы по выявившимся «большим сюжетам» – общечеловеческим житейским фреймам: роль родителей; человеческие странности и слабости; отношения полов; превратности человеческих судеб (в духе «судьба играет человеком, а человек играет на трубе»); дети; работа и начальники; власть и власти; деньги; необычные истории с животными; болезни, исцеления, смерти и врачи; приключения (неожиданные ситуации и нестандартные решения); казусы при межкультурном общении; языковые курьёзы. Но большинство историй не укладывались в какую-то одну только рубрику, а затрагивали ряд жизненных фреймов. Тогда я решил оставить «хронологический» порядок первичного материала – собственно текстов историй, вынеся полученную фреймовую структуру в нечто вроде индекса – предметного указателя, как, собственно, главный результат систематизации.

Поскольку эти истории – не воспоминания, я сознательно уходил от политической истории. Тут-то, как раз вспомнить есть что. Но это был бы уже другой жанр. Здесь же речь идёт, фактически, об универсалиях, о ситуациях и проблемах, с которыми сталкивается любая личность. Исторический и бытовой фон узнаваемы: это факты конкретной, моей, биографии, от них никуда не деться. Но не они главное, и я, как мог, отводил их на задний план, выводя на первый – личностные особенности, отношения, жизненные фреймы.

Интересная деталь. По мере записи историй по жизни обнаружилось примечательное обстоятельство – их количество убывает по мере прохождения сюжетов жизненного пути. Наверное, это подтверждает сказанное об историях по жизни как о фактах-событиях личного жизненного опыта. Разумеется, они в молодости ярче, потому как – «на новенького». С возрастом опыт насыщается. Его уже трудно удивить.

Своеобразие данного жанра скриптизации бытия порождает ещё одно непростое, но важнейшее обстоятельство. Фактически исповедальный характер такой систематизации серьезно затрудняет публикацию такого материала.

Одно дело истории по жизни в устном исполнении, и совсем другое дело – публикация, когда они превращаются в своеобразный документ, свидетельство. В историях упоминаются реальные, узнаваемые люди. Истории могут оказаться обидными для них, в чём-то несправедливыми. Поэтому, задумав публикацию, в какой-то момент я уже подумывал снимать некоторые истории, убирать имена, а то и вообще отказаться от публикации. Но потом всё-таки решился.

В конце концов, это ведь всего лишь только личный опыт автора, его личные мнения и оценки. Эти истории, в конечном счете, не об их персонажах, а о самом авторе! Это не они такие, а такими их увидел автор, который может «соврать как очевидец». «Другие» («Другой») – очевидный факт человеческого существования. Так же как сознание – суть интериоризированный, освоенный человеком социальный опыт, а культура – механизм порождения, сохранения и трансляции социального опыта, так и самосознание возникает именно как раскрытие себя во взаимосвязи с другими. «Другой» («Другие») – радикальное Иное нашего индивидуального существования, причем это Иное по самому типу его существования. «Чужая душа – потемки» и «Своих мозгов в чужую голову не вставить» – гласят известные пословицы. Поэтому связь Я и Другого невозможна в виде непосредственного контакта. Их отношение может реализоваться только как опосредованное культурой, а значит, прежде всего – языком. В этом, как представляется, и заключен главный нерв скриптизации бытия, которая оказывается, как уже говорилось, не просто средством понимания, а самим пониманием как таковым. Автор же становится носителем упоминавшегося «трансцендентального лингвистического субъекта» в своём лице, а его индивидуальная рефлексия порождает некое объективированное самой записью и публикацией историй надындивидуальное знание.

Но тогда получается, что если для автора таких текстов ситуации и их участники открываются преимущественно в их комическом плане, то всё несколько иначе выглядит для персонажей таких историй, для их непосредственного бытия как Иного. Действительно, собственно скриптизация историй, «запись того, что было» фиксирует некую «комедию нравов». Знакомясь с такими текстами, фигурирующие в них люди – действительно названные или даже увидевшие себя в какой-то ситуации, воспринимают себя исключительно использованными средствами. И комедия нравов оборачивается личностной трагедией. Истории привязаны не к конкретным людям, а к ситуациям, в которых они, конечно же, раскрылись не полностью, а «вот так». Да ещё в чужом восприятии. Но они-то знают о себе правду. И тогда написанное – в качестве надындивидуального знания – есть ложь, клевета, пасквиль. Надо тащить автора в суд, звать городского...

Реакция разных людей на публикацию историй по жизни – тема, наверное, заслуживающая отдельного осмысления. Главное – попытка выстроить отношения с другими с помощью этого средства «скриптизации бытия» встречает зачастую не только непонимание, но и агрессию. А доверительная обращённость к бытию оборачивается трагедией уже и для автора. Тем не менее, реализация проекта «Истории по жизни» показала, что это действенное средство персонологической обращённости к миру. Книга оказалась «работающим» проектом, который меняет отношения и людей, включая самого авто-

ра, для которого открылись некоторые особенности его личности, которыми, в общем-то, не стоит гордиться. Возникает какая-то новая реальность с более глубоким уровнем отношений и понимания. Несколько неожиданно «Истории по жизни» буквально подтвердили и реализовали главную идею моей предыдущей книги в серии «Тела мысли», которая пророчески называлась «Тело свободы»: онтофания (проявление, осуществление) свободы – не что иное, как воплощённая ответственность.³ Получилось такое самозамыкание сюжета: «тело мысли» как «тело свободы» явилось для автора острым переживанием полноты ответственности.

Ранее мне уже приходилось обращать внимание на то, что некоей стилистической платформой, на основе которой интегрируются жанры современной массовой литературы выступает фэнтези [Тульчинский 2008б]. Это не случайно. С одной стороны, «фэнтезизация» массовой литературы – неизбежный результат выхода на первый план её главного качества как продукта массового производства и массового потребления – формирования мифологии современного общества. С другой, – эта интеграция обеспечивает возможности всё более тонкой дифференциации и сегментации рынков массовой литературы и не только. Фэнтези обеспечивает возможности формирования супербрендов и их диверсификации в другие сегменты массовой культуры. Сага Толкина, «Гарри Поттер», Борис Акунин – тому яркие примеры.

Отдельного внимания заслуживает трансмедиаальный сторителлинг, порождающий целые миры историй (story worlds) [Ryan 2013], примерами которых могут служить миры комиксов Марвел, перешедшие в кино, а оттуда и в производство и потребление многих товарных линеек. Аналогичным примером может служить вселенная «Гарри Поттера», «Властелина колец», «Звездных войн» и т. п. Это позволяет строить смысловые картины мира, объединяющие широкий круг клиентов, зрителей, избирателей. Элементами трансмедиаального сторителлинга пользовался Р. Рейган в его программе «звездных войн» в противостоянии с «империей зла». Похоже, что примером трансмедиаального сторителлинга является и успех В. Зеленского и его партии «Слуга народа», достигнутые во многом благодаря публичному капиталу как самого бывшего шоумена, так и телесериала «Слуга народа», в котором он играл главную роль, и сюжет которого, практически буквально был повторён в реальном приходе В. Зеленского во власть, а название сериала дало название партии, получившей в результате выборов 2019 года полный контроль над украинским парламентом.

Однако, помимо поглощающей тенденции интеграции на единой стилистической платформе, не менее активно проявляется и тенденция дифференциации. Иногда эти процессы приобретают весьма причудливые формы. Буквально на глазах интеграция втягивает в массовую литературу различные опыты скриптизации бытия: исповедальные тексты, воспоминания, дневники и т. д. На книжных салонах последнего времени много говорится о буме биографической литературы. Но уже разворачивается повышенный интерес к литературе автобиографической. Эта тенденция с очевидностью видна в глянцевого журналов, да и масслитовских изданиях последних лет. Массовый читатель проявляет всё нарастающий интерес к реальным переживаниям и доверительно презентуемому личностному опыту.

³ Расширенное переиздание [Тульчинский 2019].

Ситуация, сложившаяся с «Историями по жизни», служит ярким подтверждением этой тенденции. Книга, содержащая фиксацию сугубо личного опыта, некое личностное предание, выпущенная в научной серии малым тиражом, вызвала острейший отклик и повышенный спрос, вынудивший издателя прибегать к допечаткам. Почему? Думается, что дело не только и не столько в скандале, инициированном некоторыми «обиженными» персонажами «историй», сколько в самом жанре, стилистике текста, представляющем собой персонологическое фэнтези, рубрикованное по типичным ситуациям (фреймам) обыденного жизненного опыта. Причем сам нарратив выполнен в стилистике обыденного дискурса.

В этом плане можно говорить именно о действии двойной тенденции: жанрово-стилистической интеграции массовой литературы при одновременной дифференциации в рамках этого единого жанра, доходящей до персонологического доверительно-интимного опыта. Речь идёт о проявлении более общей тенденции формирования интегрального глобального культурно-информационного пространства в сочетании с его дифференциацией. И в условиях массового общества такая сегментация и дифференциация могут только нарастать и углубляться. Потому как только уникальное глобально. А что может быть уникальней и неповторимей человеческой личности?

Библиография

- Алексеев 2008 – *Алексеев А. Н.* Дневник и письмо как формы социальной коммуникации // *Философские науки.* 2008. № 8. С. 48–64.
- Гайденко 1997 – *Гайденко П. П.* Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. Москва: Республика, 1997. 495 с.
- Дамасио 2018 – *Дамасио А. Я.* Мозг и возникновение сознания. Москва: Карьера Пресс, 2018.
- Егоров 2008 – *Егоров С. Н.* Вербализация как предпосылка скриптизации // *Философские науки.* 2008. № 8. С. 124–140.
- Иванченко 2008 – *Иванченко Г. В.* Сгибы и разрывы скриптов: трансформация субъекта // *Философские науки.* 2008, № 8. С. 65–75.
- Лотман 1992 – *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992.
- Люсый 2008 – *Люсый А. П.* Скриптология повышенной доверительности // *Философские науки.* 2008. № 8. С. 109–114.
- Пигров 2004 – *Пигров К. С.* Забота о своей духовности, или техника скриптизации индивидуальной жизни // *Vita Cogitans: Альманах молодых философов.* Вып. 4. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. С. 76–83.
- Пигров 2008 – *Пигров К. С.* Скриптизация авось-бытия как предпосылка скриптизации // *Философские науки.* 2008. № 8. С. 115–123.
- Тульчинский 2007а – *Тульчинский Г. Л.* Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. СПб: Алетейя, 2007. 400 с.
- Тульчинский 2007б – *Тульчинский Г. Л.* Опыт систематической персонологии: «истории по жизни» как исповедальный жанр // *Исповедальные тексты культуры.* Санкт-Петербург: СПб ГУ, 2007. С. 71–75.
- Тульчинский 2008а – *Тульчинский Г. Л.* Истории по жизни как опыт скриптизации бытия // *Философские науки.* 2008. № 8. С. 95–108.

- Тульчинский 2008б – *Тульчинский Г. Л.* Массовая литература в современном обществе: эволюция жанров – к персоналогичному фэнтези // Феномен массовой литературы в современной России. Санкт-Петербург, 2008. С. 17–26.
- Тульчинский 2019 – *Тульчинский Г. Л.* Тело свободы: ответственность и воплощение смысла. Санкт-Петербург: Алетейя, 2019.
- Уваров 2008 – *Уваров М. С.* Исповедальный ресурс скриптографии // Философские науки. 2008. № 8. С. 76–94.
- Уваров 2007 – *Уваров М. С.* (ред.) Исповедальные тексты культуры. Санкт-Петербург, 2007.
- Эпштейн 2008 – *Эпштейн М. Н.* Homo Skriptor: введение в скрипторику как антропологию и персоналогию письма // Философские науки. 2008. № 8. С. 141–162.
- Andrews 2009 – *Andrews D., Donahue H.* Storytelling as an Instructional Method: Descriptions and Research Question // *The Interdisciplinary Journal of Problem-Based Learning*. 2009. No. 2. P. 6–23.
- Dennett 1991 – *Dennett D. C.* Consciousness explained. Boston: Little, Brown and Co., 1991.
- Grinblatt 1994 – *Grinblatt S.* The Improvisation of Power. // *The New Historicism Reader*. London: Routledge, 1994. P. 46–87.
- Ryan 2005 – *Ryan M. L.* «Tellability» // *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory*. London: Routledge, 2005. P. 589.
- Ryan 2013 – *Ryan M. L.* Transmedial Storytelling and Transfictionality // *Poetic Today*. 2013. Vol.34, No.3. P. 361–388.

References

- Alekseev 2008 – *Alekseev A. N.* Diary and writing as a form of social communication // *Philosophical sciences*. 2008. No. 8. P. 48–64. In Russian.
- Andrews 2009 – *Andrews D., Donahue H.* Storytelling as an Instructional Method: Descriptions and Research Question // *The Interdisciplinary Journal of Problem-Based Learning*. 2009. No. 2. P. 6–23. In Engl.
- Dennett 1991 – *Dennett D. C.* Consciousness explained. Boston: Little, Brown and Co., 1991. In Engl.
- Gaydenko 1997 – *Gaydenko P. P.* Breakthrough to the transcendental. The New Ontology of XX century. Moscow, 1997. In Russian.
- Grinblatt 1994 – *Grinblatt S.* The Improvisation of Power. // *The New Historicism Reader*. London: Routledge, 1994. P. 46–87. In Engl.
- Damasio 2018 – *Damasio A.* The brain and the emergence of consciousness. Moscow: Career Press, 2018. In Russian.
- Egorov 2008 – *Egorov S. N.* Verbalization as a prerequisite for scripting // *Philosophical sciences*. 2008. No. 8. P. 124–140. In Russian.
- Epstein 2008 – *Epstein M. N.* Homo Skriptor: introduction to scriptorics as anthropology and personology of writing // *Philosophical sciences*. 2008. No. 8. P. 141–162. In Russian.
- Ivanchenko 2008 – *Ivanchenko G. V.* Bends and breaks of scripts: transformation of the subject // *Philosophical sciences*. 2008. No. 8. P. 65–75. In Russian.
- Lotman 1992 – *Lotman Y. M.* Selected Articles. T.1. Articles on semiotics and typology of culture. Tallinn: Alexandra, 1992. In Russian.
- Ljusyj 2008 – *Ljusyj A. P.* Scriptology of increased confidence // *Philosophical sciences*. 2008. No. 8. P. 109–114. In Russian.
- Pigrov 2004 – *Pigrov K. S.* Caring for one's spirituality, or scripting technique for individual life // *Vita Cogitans: Almanac of young philosophers*. Issue 4. Saint Petersburg: Saint Petersburg Philosophical Society, 2004. P. 76–83. In Russian.

- Pigrov 2008 – *Pigrov K. S.* Scripting of maybe-being as a prerequisite for scripting // *Philosophical sciences*. 2008. No. 8. P. 115–123. In Russian.
- Ryan 2005 – *Ryan M. L.* «Tellability» // *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory*. London: Routledge, 2005. P. 589. In Engl.
- Ryan 2013 – *Ryan M. L.* Transmedial Storytelling and Transfictionality // *Poetic Today*. 2013. Vol. 34, No. 3. P. 361–388. In Engl.
- Tulchinsky 2007a – *Tulchinsky G. L.* Life stories. The experience of personological systematization. Saint Petersburg: Aletheia, 2007. In Russian.
- Tulchinsky 2007b – *Tulchinsky G. L.* The experience of systematic personology: “life stories” as a confessional genre // *Confessional texts of culture*, Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2007. P. 71–75. In Russian.
- Tulchinsky 2008a – *Tulchinsky G. L.* Life stories as an experience of the scripting of being // *Philosophical sciences*. 2008. No. 8. P. 95–108. In Russian.
- Tulchinsky 2008b – *Tulchinsky G. L.* Mass literature in modern society: the evolution of genres – to personalized fantasy // *The phenomenon of mass literature in modern Russia*. Saint Petersburg, 2008. P. 17–26. In Russian.
- Tulchinsky 2019 – *Tulchinsky G. L.* The body of freedom: responsibility and embodiment of meaning. Saint Petersburg: Aletheia, 2019. In Russian.
- Uvarov 2008 – *Uvarov M. S.* Confessional resource of scriptography // *Philosophical sciences*. 2008. No. 8. P. 76–94. In Russian.
- Uvarov 2007 – *Uvarov M. S.* (Ed.) Confessional texts in culture. Saint Petersburg, 2007. In Russian.